

Запретная страсть

18+

Нина Кислицына

Запретная страсть

«Автор»

2026

Кислицына Н.

Запретная страсть / Н. Кислицына — «Автор», 2026

Лия живёт тайной любовью: её возлюбленный Роберт — жених другой женщины, её лучшей подруги. Он месяцами обещает разорвать помолвку, но продолжает делить дом и постель с невестой Алиной. Лия измучена ожиданием, Роберт — двойной жизнью, и оба балансируют на краю. Лия видит собственными глазами то, во что отказывалась верить: Роберт целует невесту в висок, улыбается её родителям и в тот же момент пишет Лие «думаю о тебе». Это ломает её. Алина исчезает, оставив его родителям письмо, которое выворачивает всё наружу. Роберт и Лия возвращаются в город, чтобы встретиться с последствиями лицом к лицу. Лие предстоит впервые войти в его мир не тайком, а открыто — перед его жёстким отцом, убитой горем матерью и городом, который знает о ней всё. Это история не о том, как любовь победила соперницу, а о том, как двое перестали прятаться и наконец выбрали друг друга — и заплатили за этот выбор честно.

© Кислицына Н., 2026

© Автор, 2026

Нина Кислицына

Запретная страсть

ГЛАВА 1

Она вошла последней и сразу увидела его — ещё до того, как Алина успела встать из-за стола и расцеловать её в обе щеки.

— А вот и Лия! — Алина схватила её за руку, потянула к столу, к полукругу знакомых лиц. — А это Роберт. Мой жених.

Лия заставила себя улыбнуться. Протянула руку через стол — так полагалось, вежливо, по-светски, — и почувствовала его ладонь.

Рука у него была тёплая и приятная. Он сжал её пальцы чуть дольше, чем нужно.

— Роберт, — сказал он. Голос низкий, спокойный, с лёгкой улыбкой.

— Алина много о вас рассказывала.

— Не всё подряд, надеюсь.

Кто-то за столом засмеялся. Алина прижалась плечом к Роберту и посмотрела на него снизу вверх — так, как смотрят на то, что принадлежит только тебе.

Лия села напротив. Сняла пальто, повесила на спинку стула. Взяла меню и поняла, что не видит ни строчки.

Он был не просто красив. Это было другое — то, как он держал голову, как опускал взгляд, слушая Алину, как пальцы его левой руки лежали на краю стола. Лия смотрела на эти пальцы и представляла, как они расстёгивают

пуговицу на её блузке.

Она отвлеклась на бокал, на вино, на чей-то рассказ о новой работе.

Улыбалась, кивала, даже что-то отвечала. А внутри горело, низко и горячо, как будто кто-то провёл ладонью по позвоночнику.

Один раз она подняла глаза — и наткнулась на его взгляд.

Он смотрел на неё. Не украдкой. Открыто, спокойно, изучающе. Так смотрят на женщину, когда уже всё решили.

Лия отвела взгляд первой.

— Алина, ну расскажи, как вы познакомились, — попросил кто-то с другого конца стола.

И Алина рассказывала — звонко, перебивая саму себя, смеясь. Про общих знакомых, про выставку, про то, как Роберт подошёл к ней первым и сказал что-то невероятно уверенное. Лия слушала вполуха. Она слышала только, как Роберт время от времени вставляет короткое «ну, было не совсем так» — и как Алина шлёпает его ладонью по рукаву.

1

Вечер тянулся. Вино кончалось, официант приносил ещё. За столом становилось шумно, кто-то уже курил у окна, кто-то спорил о деньгах.

Лия вышла в туалет — просто чтобы выдохнуть.

Умылась холодной водой. Посмотрела на себя в зеркало.

— Он жених твоей подруги, — сказала она своему отражению. — Прекрати.

Отражение не ответило.

Когда она вернулась, Роберт стоял у бара — один, с бокалом. Алина в другом конце зала увлечённо о чём-то шепталась с их общей

подругой Мариной.

— Вам не скучно? — спросил он, не оборачиваясь. Как будто знал, что это она.

— Нет. Просто устала.

Он обернулся. Протянул ей бокал — свой, отпитый.

— Попробуйте. Это лучше, чем то, что льют за столом.

Лия взяла бокал. Сделала глоток. Вино было терпким, чуть горьким.

— Спасибо.

Он смотрел, как она пьёт. На её губы, на горло, на то, как она возвращает бокал.

— Вы очень красивая, — сказал он тихо. — Алина почему-то не предупредила.

— Может, потому что вы её жених, — ответила Лия.

Она хотела, чтобы это прозвучало холодно. Вышло — с хрипотцой.

Роберт улыбнулся. Одним уголком рта.

— Это ничего не меняет, — сказал он.

Лия не спросила, что именно.

Она вернулась за стол, села на своё место, взяла Алину под руку, смеялась вместе со всеми. А внутри повторяла, как молитву: он чужой, он чужой, он чужой.

Это не помогало.

Позже, когда все расходились, Алина обняла её на прощание:

— Ну как тебе? Правда, он замечательный?

— Замечательный, — сказала Лия.

Роберт стоял чуть позади, помогал Алине надеть пальто. И когда она обернулась, чтобы уйти, он снова поймал её взгляд.

Теперь в нём было то, что Лия узнала сразу. Потому что чувствовала то же самое.

Желание. Такое, от которого пересыхает во рту и слабеют колени.

2

Она отвернулась и вышла на улицу. Вечерний воздух не остудил.

В машине Лия сидела, не заводя мотор, и смотрела на свои руки.

Они дрожали.

— Дура, — прошептала она. — Какая же ты дура.

Потом повернула ключ, выехала на дорогу и всю дорогу домой думала о том, как он смотрел на неё, когда она пила из его бокала.

Дома Лия долго стояла под душем, подняв лицо к горячей воде, словно та могла смыть с неё этот вечер. Не смыла. Кожа всё ещё

помнила его руку — тёплую, сухую, чуть шершавую у основания пальцев. Она вытерлась, надела халат, налила себе чай и села с ногами на подоконник, глядя на тёмный двор.

Телефон лежал рядом, экраном вниз. Она знала, что сообщений не будет. Он не мог написать — у него не было её номера. И это было правильно. Это была единственная правильная вещь за весь вечер.

Спала Лия плохо. Ей снился ресторан, только без людей. Пустой зал, приглушённый свет, и Роберт у бара. Он протягивал ей бокал, и она

пила, а он смотрел на её горло. Во сне она не отводила взгляд.

Утром она проснулась с тянущей, ноющей пустотой внизу живота.

Разозлилась на себя, встала, поехала на работу. День был обычный: почта, звонки, совещание, на котором она не запомнила ни слова. К

вечеру позвонила Алина.

— Лийка, привет! Ты как вчера доехала? Я так и не успела толком с тобой поговорить. Ну, скажи, он же чудо?

— Чудо, — повторила Лия. — Правда.

— Слушай, мы в субботу едем за город, на дачу к Марине. Шашлыки, вино, баня. Поедешь? Марина сказала, чтобы ты обязательно была.

Роберт тоже будет, конечно.

Лия закрыла глаза. На том конце провода Алина что-то щебетала про мясо, про то, что погода обещает быть тёплой, про новое платье, которое она наденет.

— Я не знаю, Алин. У меня, может быть завал на работе.

— Какая работа в субботу? — Алина фыркнула. — Хватит. Ты в последнее время совсем закисла. Тебе надо развеяться. Всё, решено, я заеду за тобой утром.

Лия хотела отказаться. Отказаться было бы единственно верным поступком. Вместо этого услышала собственный голос:

— Хорошо. Только без твоих дурацких игр в правду или действие.

Алина засмеялась и бросила трубку.

3

Всю неделю Лия запрещала себе думать о субботе. Это не помогало.

Она ловила себя на том, что разглядывает своё отражение дольше обычного, что выбирает, что надеть, с той тщательностью, с какой выбирают для свидания. И ненавидела себя за это.

В субботу Алина заехала, как обещала, утром. Всю дорогу болтала о свадьбе: о платье, о ресторане, о том, что Роберт настоял на июне.

Лия смотрела в окно и кивала.

— А знаешь, что он мне вчера сказал? — Алина снизила голос, хотя они были вдвоём в машине. — Что я лучшее, что с ним случилось.

Представляешь? Вот так, прямо, без всякого пафоса.

Лия улыбнулась. Улыбка вышла деревянной.

На даче уже шумели. Марина хлопотала у мангала, кто-то накрывал стол, кто-то разливал вино. Роберт стоял у машины, разгружал пакеты, и, когда Лия вышла, он поднял голову — как будто ждал именно её.

— Добрый день, — сказал он ровно.

— Добрый.

Алина уже бежала к Марине, оставив их вдвоём на дорожке.

— Поможете? — Роберт кивнул на пакеты.

Лия взяла один, самый лёгкий, и они пошли к дому рядом. Плечо в плечо. Она чувствовала его запах — что-то древесное, с горчинкой, не парфюм, а скорее гель для душа. Или кожа.

— Я думал о вас всю неделю, — сказал он тихо, не глядя на неё.

Лия споткнулась. Удержалась, сжала пакет крепче.

— Не надо, — сказала она.

— Я знаю, что не надо. Поэтому и говорю только сейчас, когда никто не слышит.

Она остановилась. Обернулась к нему. Он стоял совсем близко, на расстоянии вытянутой руки, и смотрел на неё так же, как тогда у бара, — спокойно, изучающе, как на женщину, с которой всё уже решено.

— Вы жених Алины, — сказала Лия. — Моей лучшей подруги. Это всё, что должно иметь значение.

— Должно, — согласился Роберт. — Но не имеет.

Он взял у неё пакет, развернулся и пошёл к дому первым. Лия осталась стоять на дорожке, глядя ему в спину.

4

Сердце стучало как бешеное, отдавалось в висках. Лия заставила себя дышать ровно — вдох на четыре счёта, выдох на шесть. Не помогло.

В дом она вошла с другой стороны, через террасу, чтобы не столкнуться с ним в дверях. На кухне уже хлопотала Марина, Алина раскладывала приборы, и Лия с облегчением ушла в простую работу — резать хлеб, таскать тарелки, откупоривать бутылки. Руки были заняты, и это спасало.

Роберт держался в стороне. Разжигал мангал, о чём-то переговаривался с мужем Марины, смеялся в нужных местах.

Идеальный жених. Лия ловила себя на том, что отслеживает его краем глаза, где бы он ни находился: у мангала, у машины, у стола.

Будто между ними была натянута нить, и, стоило ему отойти дальше, она натягивалась и гудела.

За стол сели поздно. Пили вино, ели мясо, говорили о чужих жизнях.

Алина сидела по правую руку от Роберта и то и дело касалась его — плеча, запястья, колена. Собственничество в каждом жесте. Лия смотрела в свою тарелку.

К ночи все разбрелись. Кто-то остался у костра, кто-то ушёл спать, Марина позвала Алину в дом — помогать с десертом. Лия отошла к краю участка, где начинались яблони, и стояла, обхватив себя за плечи, глядя на огни дома.

Шаги за спиной она слышала раньше, чем он подошёл. Хруст гравия.

— Замёрзли? — спросил Роберт.

— Нет.

Он встал рядом, не касаясь. Близко. Лия чувствовала тепло, исходящее от него, смешанное с запахом дыма.

— Я не хотел вас пугать утром, — сказал он. — Просто сказал правду.

— От вашей правды никому не легче.

— А от вранья — кому? — Он повернул голову, и теперь она видела его профиль на фоне далёких огней. — Вам от вранья легче?

Лия не ответила. В горле пересохло.

— Я не собираюсь ничего делать, — продолжил он тихо. — Пока вы сами не попросите.

— Я не попрошу.

— Посмотрим.

5

Это «посмотрим» ударило её низко, под дых. Лия развернулась, чтобы уйти, — и поскользнулась на мокрой траве. Он поймал её за

локоть. Пальцы сомкнулись крепко, горячо. Она замерла.

Он не отпускал. Стоял так близко, что она слышала его дыхание — медленное, ровное.

— Отпустите, — сказала Лия.

— Отпускаю, — ответил он, но пальцы не разжал. А потом, не сводя с неё глаз, медленно провёл большим пальцем по её предплечью, по тонкой коже с внутренней стороны, туда, где бился пульс.

Лия вздрогнула. Между ног стало горячо, мокро. Она выдернула руку, отшатнулась.

— Вы невыносимы, — выдохнула она.

— Вы тоже, — сказал Роберт. — Всю неделю.

Он развернулся и пошёл к дому первым, как утром. Лия осталась под яблонями. Колени дрожали. Она прижала ладонь к тому месту на предплечье, где только что был его палец, и почувствовала, как кожа всё ещё горит.

Ночью она лежала в гостевой комнате и не могла уснуть. В доме было тихо. За стеной — шорох, приглушённый смех, чьи-то шаги по коридору. Потом всё стихло.

Она встала, накинула халат, спустилась на кухню за водой. Налила стакан, пила стоя у окна, не зажигая свет. Лунный свет лежал на столешнице длинной полосой.

— Не спится?

Голос из темноты. Лия вздрогнула, расплескала воду.

Роберт стоял в дверном проёме — босой, в одних домашних брюках, с голой грудью. Волосы влажные, видимо, после душа. В полумраке он казался больше, чем был.

— Вы что здесь делаете? — прошептала Лия.

— Тоже за водой.

Он подошёл, не сводя с неё глаз. Взял с полки чистый стакан, налил, отпил. Встал рядом, у той же столешницы, в полосе лунного света.

Лия не двигалась. Понимала, что надо уйти, — и не уходила.

Роберт поставил стакан. Повернулся к ней. Поднял руку и кончиками пальцев убрал прядь волос с её щеки, заправил за ухо.

Прикосновение было лёгким, как выдох.

— Скажи «уходи», — прошептал он. — И я уйду.

Лия открыла рот. Воздух встал в горле.

6

— Уходи, — произнесла она. Слово вышло почти беззвучным.

Он не ушёл. Наклонился и прижался губами к её шее, под ухом, — коротко, горячо.

Лия ахнула. Вцепилась пальцами в край столешницы.

— Что ты делаешь... — выдохнула она.

— То, что ты не можешь перестать хотеть, — прошептал он ей в кожу.

Он целовал её шею, медленно, от мочки уха вниз, к ямке над ключицей. Одна рука легла ей на талию, сжала сквозь тонкий халат.

Лия запрокинула голову, и из груди вырвался стон — тихий, жалкий, которого она от себя не ожидала.

Это отрезвило её. Она упёрлась ладонями ему в грудь, оттолкнула.

— Не здесь, — выдохнула она. — Алина...

— Я знаю.

Он отступил на шаг. Глаза тёмные, зрачки широкие. Дышал тяжело.

— Но я не могу думать ни о чём другом, — сказал он. — И ты не

можешь. Мы оба знаем.

Лия покачала головой. Потом, не глядя на него, развернулась и пошла к лестнице. На первой ступеньке остановилась.

— Это ничего не изменит, — сказала она, не оборачиваясь. —

Между нами ничего не будет.

— Будет, — тихо ответил Роберт из темноты. — Уже есть.

Она поднялась в свою комнату, заперла дверь, села на кровать.

Между ног всё горело. Трусики были влажными. Она коснулась себя — и одёрнула руку, как от огня.

Утром Лия проснулась первой. Собралась быстро, пока дом ещё спал, и уехала на такси, не попрощавшись. Алине написала, что разболелась голова.

ГЛАВА 2

Всю обратную дорогу она смотрела в окно и думала о том, как он целовал её шею в лунном свете. И о том, что больше всего на свете боится не его. А себя. После дачи прошло две недели. Лия не видела Роберта, не слышала его голоса — только эхо той ночи, которое возвращалось в самые неподходящие моменты: на совещании, в душе, перед сном, когда она закрывала глаза и снова чувствовала его губы на своей шее.

Алина звонила каждый день. Рассказывала про свадьбу, про гостей, про то, что нашла наконец то самое платье. Лия слушала и

7

поддакивала. Иногда ей казалось, что она раздваивается: одна Лия

— верная подруга, которая искренне желает счастья; вторая — та, что просыпается ночью с мокрым бельём и ненавидит себя за это.

Она убедила себя, что всё кончилось. Что дача была срывом, минутной слабостью, которую больше не повторить. Что Роберт —

просто мужчина, каких много, и влечение к нему — не судьба, а гормоны. Это работало ровно до вечера, когда в её дверь позвонили.

Лия открыла, не глядя в глазок, — ждала курьера.

На пороге стоял Роберт.

Она отшатнулась, как от удара.

— Как ты узнал адрес? — выдохнула она.

— Спросил у Алины. — Он смотрел на неё тяжело, не мигая. —

Сказал, что хочу передать тебе приглашение на нашу помолвку.

В руке он держал конверт. Протянул ей — и Лия заметила, как слегка дрожат его пальцы. Она не взяла.

— Ты с ума сошёл, — сказала она.

— Возможно.

— Уходи. Пожалуйста.

Он не двинулся. Стоял в проёме, заполняя его целиком, и смотрел на неё так, как смотрят, когда уже всё решено.

— Ты сбежала тогда, — сказал он тихо. — Не попрощалась. Я не мог оставить это так.

— Между нами нечего оставлять. Ты жених моей подруги.

— Я знаю, кто я. — Он качнулся вперёд, и Лия попятилась, впуская его в прихожую. Он закрыл за собой дверь. Щелчок замка прозвучал оглушительно.

Лия стояла, прижавшись спиной к стене, и чувствовала, как колотится сердце — в горле, в висках, между ног.

— Я не переставал думать о тебе, — сказал Роберт. — Ни на один день. Ни на одну ночь.

Он не прикоснулся к ней. Просто стоял близко — так близко, что она видела, как бьётся жилка у него на шее, как ходит кадык, когда он сглатывает.

— Это всё не имеет значения, — прошептала Лия. — Алина...

— Оставь Алину. — Голос его стал жёстче. — Сейчас здесь только ты и я.

Он поднял руку и коснулся её подбородка, заставляя поднять лицо. Пальцы были холодными с улицы, но касание обожгло.

8

— Скажи, что ты меня не хочешь, — сказал он. — Скажи это, глядя мне в глаза, и я уйду. Навсегда.

Лия смотрела ему в глаза. В горле стоял ком. Она открыла рот — и не смогла произнести ни слова.

— Вот именно, — выдохнул Роберт.

И поцеловал её.

Это был не тот осторожный поцелуй в шею, что на даче. Это был голодный, жадный поцелуй — он вжал её в стену, зарылся пальцами в волосы на затылке, заставил открыть рот и целовал глубоко, мокро, так, что у Лии подкосились ноги.

Она отвечала. Сама не поняла, в какой момент руки обвили его шею, в какой момент она выгнулась ему навстречу. Он застонал ей в губы, и от этого звука внизу живота всё свело.

— Роберт... — выдохнула она между поцелуями. — Мы не должны...

— Знаю, — прошептал он, целуя её шею, ключицы, спускаясь ниже.

— Не должны. Но я хочу тебя так, что мне больно.

Он рванул вниз её домашнюю футболку, обнажил плечо, грудь в тонком кружеве лифчика. Нагнулся и прижался губами к соску сквозь ткань. Лия вскрикнула, запрокинув голову.

— Мы с ума сходим, — выдохнула она, хватаясь за его плечи.

— Пусть.

Он поднял её, как пушинку. Лия обхватила его ногами, и он понёс её вглубь квартиры, не отрываясь от её губ. Они ввалились в спальню, упали на кровать — его тело накрыло её, тяжёлое, горячее, своё.

Всё остальное исчезло. Осталось только то, что его руки стаскивали с неё футболку, что пальцы путались в застёжке лифчика, что он целовал её грудь, живот, кромку трусиков, а она стонала, вцепившись в простыню.

— Я хочу тебя всю, — прошептал Роберт, поднимая голову. Глаза у него были тёмные, как омут. — Всю, слышишь?

Лия выгнулась ему навстречу.

— Тогда возьми, — прошептала она.

Он стянул с неё трусики — медленно, наблюдая, как она приподнимает бёдра, как по коже бегут мурашки. Лия не отводила глаз. Стыд, который должен был прийти, так и не пришёл. Осталось только то, как между ног всё пульсировало, как ныло внизу живота от нетерпения.

9

Роберт наклонился и поцеловал её — не в губы. Ниже. В ложбинку между грудями, в живот, в нежную кожу над лобком. Лия задержала дыхание.

— Посмотри на меня, — сказал он.

Она посмотрела. Он держал её взгляд, пока припадал губами к внутренней стороне бедра — сначала одно, потом другое, медленно поднимаясь к центру. Лия вцепилась пальцами в его волосы. Когда его язык коснулся её, она вскрикнула и выгнулась дугой. Он не остановился — держал её бедра ладонями, разводил их, вжимался лицом, и Лия стонала, не сдерживаясь, потому что всё, что она запрещала себе неделями, прорвалось разом. Он был жадный, умелый, и она кончила быстрее, чем ожидала, — резко, со вскриком, который сама не узнала.

Роберт поднял голову. Губы влажные, взгляд тяжёлый.

— Ты даже не представляешь, как долго я этого хотел, — сказал он.

— Я тоже, — выдохнула Лия, и это была первая честная фраза за всё время.

Он снял джинсы, бельё. Лия смотрела на него без стеснения — на широкие плечи, на тёмную дорожку волос, на его член, твёрдый, прижатый к животу. Он опустил на неё, упёрся локтями по обе

стороны от её головы, и она почувствовала его жар всей кожей.

— Скажи, что хочешь меня, — прошептал он, и кончик его члена скользнул по её мокрой плоти, заставляя её вздрогнуть.

— Хочу, — выдохнула Лия. — Хочу тебя. Сейчас.

Он вошёл в неё одним сильным толчком. Лия застонала, запрокинув голову, впились ногтями ему в спину. Он начал двигаться — сначала медленно, глубоко, выходя почти до конца и возвращаясь, а потом быстрее, жёстче, и каждый толчок выбивал из неё стон.

— Ты моя, — шептал он ей в шею, в губы, сбиваясь с дыхания. — Слышишь? Ты моя.

— Да, — выдыхала она в такт. — Да...

Она обхватила его ногами, притянула глубже, и он застонал — низко, утробно, уткнувшись лицом в её волосы. Кровать скрипела, простыня сбилась под ними. Лия ловила его губы, его язык, его

дыхание — и не могла насытиться.

Он перевернул её на живот, приподнял бедра, вошёл сзади, и этот ракурс был другим — глубже, острее, почти невыносимым. Лия уткнулась лицом в подушку, заглушая крик. Он накрыл её тело

10

своим, накрыл ладонью её грудь, сжал сосок, целовал между лопатками, и двигался так, что она теряла связь с реальностью.

Она кончила снова — тело содрогнулось, сжалось вокруг него, и этот спазм добил и его. Роберт застонал ей в затылок, сделал несколько последних резких толчков и обрушился на неё, придавив всей тяжестью.

Они лежали, тяжело дыша. Сердце Лии колотилось так, что она слышала его в ушах. Роберт скатился на бок, притянул её к себе, накрыл одеялом. Она прижалась к нему, слушая, как его дыхание постепенно выравнивается.

— Что мы наделали, — прошептала она.

— Мы сделали то, что должно было случиться, — ответил он и поцеловал её в висок.

Лия закрыла глаза. В голове было пусто и горячо. Она понимала, что завтра всё это ударит по ней виной, страхом, мыслью об Алине. Но сейчас, в его руках, ей было так хорошо, что она позволила себе не думать.

Он остался до утра.

Утром Лия проснулась от того, что его рука лежала у неё на животе, а дыхание — тёплое и ровное — щекотало затылок. Несколько секунд она лежала неподвижно, боясь спугнуть этот момент. В комнате было тихо, за окном только-только светало, и в сером утреннем свете всё вчерашнее казалось невозможным.

Роберт пошевелился, притянул её ближе.

— Не спишь, — сказал он хрипло, не открывая глаз.

— Нет.

— Жалеешь?

Лия помолчала. Перевернулась к нему лицом. Он смотрел на неё — сонный, тёплый, и в этом взгляде не было ни вчерашней жёсткости, ни игры. Только она.

— Не знаю, — честно ответила она. — Наверное, должна жалеть. Но не жалею.

Он коснулся её щеки, провёл большим пальцем по скуле.

— Я тоже.

Они лежали и смотрели друг на друга, и Лия понимала, что от этой минуты обратной дороги нет. Всё, что она строила неделями — запреты, доводы, попытки убедить себя, — рассыпалось в одну ночь.

11

Потом он снова начал целовать её. Медленно, лениво, будто у них было всё время мира. Утренний секс был другим — тихим, тягучим, без вчерашней звёриной спешки. Он входил в неё медленно, глядя в

глаза, и Лия ловила каждое движение, каждый его выдох, и кончила беззвучно, сжавшись вокруг него, вцепившись в его плечи.

Потом он ушёл. Стоял в прихожей, застёгивая рубашку, и она смотрела на него, закутавшись в одеяло.

— Когда я тебя увижу? — спросил он.

— Мы не можем это продолжать, — сказала Лия. Слова вышли слабыми, сама не поверила.

Роберт подошёл, взял её лицо в ладони.

— Уже поздно, Лия. — Он поцеловал её в лоб. — Я позвоню.

И ушёл.

Дверь закрылась. Лия сползла по стене на пол и долго сидела так, прижав колени к груди.

Вина пришла через час, вместе с первым сообщением от Алины.

«Лийка, привет! Роберт вчера к тебе заезжал с приглашением? Я ему твой адрес дала, надеюсь, не потерялся)»

Лия смотрела на экран и чувствовала, как к горлу подступает тошнота. «Не потерялся», — напечатала она. Стерла. Написала снова.

Отправила.

Алина тут же прислала стикер со смайликом.

С этого дня началась её двойная жизнь.

Они встречались тайно. Роберт звонил в неудобные часы, писал

короткими сообщениями, приезжал поздно вечером, когда за окнами темнело. Лия знала его расписание лучше, чем своё: когда у него встречи, когда он у Алины, когда есть окно на пару часов. Она ненавидела себя за то, как быстро научилась этим пользоваться. Их встречи были жадными. Они срывали друг с друга одежду едва ли не с порога, занимались сексом в прихожей, на кухне, на полу, в машине за городом. Это было как болезнь: чем больше они получали, тем сильнее хотелось. Лия перестала узнавать себя.

Женщина, которая раньше корила себя за один нескромный взгляд, теперь стонала под мужчиной своей лучшей подруги и просила ещё.

А между встречами — звонки Алины, общие ужины, на которых Лия сидела напротив них и улыбалась, и планы на свадьбу, которые Алина выкладывала перед ней, как перед лучшей подругой.

12

Однажды вечером, после очередного такого ужина, Лия вернулась домой и разрыдалась. Стояла в ванной, упираясь ладонями в раковину, и плакала так, что тряслись плечи. А потом позвонил Роберт.

— Я скучаю, — сказал он.

— Мы не можем так больше, — выдавила она. — Я не могу врать ей в лицо. Я смотрю на неё и вижу только нас с тобой.

В трубке повисла тишина.

— Я разберусь, — сказал он наконец. — Потерпи немного. Я всё решу.

— Что ты решишь, Роберт? — Голос у неё сорвался. — Ты женишься на ней через два месяца. У вас назначена дата. Ты каждый вечер ложишься с ней в одну постель и говоришь, что любишь меня.

— Я не сплю с ней, — сказал он резко.

Лия замолчала.

— Я не прикасался к ней с тех пор, как всё началось, — продолжил он тише. — И не прикоснусь. Потому что не могу. Потому что хочу только тебя.

У Лии подкосились ноги. Она опустилась на край ванны, прижала телефон к уху.

— Тогда уйди от неё, — прошептала она.

— Я уйду. — Голос его был твёрдым. — Просто дай мне немного времени. Я не хочу делать ей больно при всех. Я объясню, когда придёт момент.

— А если этот момент не придёт?

— Придёт. Обещаю.

Лия закрыла глаза. Она знала, что не должна верить. Знала, что «немного времени» у таких мужчин длится годами. Но она хотела верить — так, как утопающий хочет вдохнуть.

— Я люблю тебя, — сказал он.

И всё остальное перестало иметь значение.

ГЛАВА 3

Следующие недели стали для Лии сплошным, лихорадочным сном. Днём она жила одну жизнь: работа, звонки, общие ужины, на которых Алина всё чаще говорила о свадьбе, а Лия улыбалась и

кивала. Ночью — другую: приезжал Роберт, и всё остальное переставало существовать.

13

Он сдержал слово — не прикасался к Алине. Лия чувствовала это по тому, как он ждал её, как смотрел, как разворачивал к себе, едва за ней закрывалась дверь. В эти часы она была счастлива. По-настоящему, остро, наотмашь — и тем больнее было утром, когда он уходил.

Первой перемену заметила Алина. Сначала безобидно.

— Ты какая-то странная в последнее время, — сказала она однажды за кофе. — Светишься. У тебя кто-то появился?

Лия подавилась глотком.

— Нет. Просто... хорошо сплю.

— Ну-ну. — Алина прищурилась, но не стала допытываться.

Потом начались мелочи. Алина стала звонить в неожиданное время, как будто проверяла, на месте ли Лия. Спрашивала, чем та занята, с

кем, где. Переглядывания за столом, паузы в разговоре, слишком внимательные взгляды.

Однажды вечером Роберт был у Лии, когда телефон зазвонил. Алина.

— Ты дома? — спросила она без предисловия.

— Да.

— А Роберт, — голос у Алины был ровный, слишком ровный, — он мне сказал, что у него встреча в центре. Странно, я проезжала мимо твоего дома, и мне показалось, что у подъезда стоит его машина.

Лия похолодела. Роберт, лежавший рядом, напрягся, перехватил её взгляд.

— Тебе показалось, — сказала Лия, и сама удивилась, как спокойно это прозвучало. — Машин в городе много.

— Наверное. — Пауза. — Ладно, спокойной ночи.

Лия отложила телефон. Сердце стучало где-то в ушах.

— Она знает, — прошептала она.

— Не знает, — ответил Роберт, но в голосе его впервые не было уверенности. — Подозревает.

— Это одно и то же.

Он притянул её к себе, но Лия не расслабилась. Впервые в его руках ей было холодно.

С этого дня всё понеслось под откос. Алина перестала притворяться.

Следила за Робертом — Лия знала это, потому что он рассказывал, как та проверяет его телефон, как задаёт вопросы, на которые

заранее знает ответ. Следила и за Лией: подкарауливала, выпрашивала общих друзей, однажды даже заехала без звонка.

14

— Проверяешь меня? — не выдержала Лия.

— А что, есть что проверять? — Алина улыбнулась, но глаза остались холодными.

Лия промолчала.

Развязка наступила внезапно. Алина сказала, что уезжает на выходные к матери, — и уехала. Роберт остался в городе. Он позвонил Лие в пятницу вечером:

— Два дня. Только ты и я.

Они не устояли. Провели эти выходные вместе — впервые без оглядки, без вранья, без придуманных отговорок. Готовили на кухне, смотрели фильмы, занимались любовью, засыпали и просыпались

рядом. Лия впервые за долгое время почувствовала, что живёт.

В воскресенье вечером, когда они лежали в постели, в дверь позвонили.

— Ты ждёшь кого-то? — спросил Роберт.

— Нет.

Лия накинула халат, подошла к двери, заглянула в глазок.

На площадке стояла Алина.

Она не успела ничего сделать — даже отойти. Алина позвонила снова, а потом, не дожидаясь, достала ключ. Запасной ключ, который Лия сама дала ей сто лет назад.

Дверь распахнулась.

Алина стояла на пороге. Взгляд её скользнул по лицу Лии, по халату, по чужой обуви в прихожей — и остановился на двери спальни, из

которой вышел Роберт. Босой, в расстёгнутой рубашке, с мокрыми после душа волосами.

На секунду в прихожей стало тихо, как перед грозой.

— Вот, значит, как, — произнесла Алина. Голос у неё был ледяной и ровный. — А я-то, дура, не верила.

Лия шагнула к ней:

— Алина, дай я объясню...

— Что ты мне объяснишь? — Алина засмеялась — коротко, сухо, страшно. — Что мой жених трахает мою лучшую подругу? Я, по-твоему, не вижу?

Она перевела взгляд на Роберта.

— А ты. — В голосе её звякнул металл. — Клялся мне, что я лучшее, что с тобой случилось. Стоял на коленях с кольцом. А сам...

Роберт молчал. Лицо его было белым.

15

— Собирайся, — сказала Алина. — Мы уходим.

— Алина... — начал он.

— Собирайся, — повторила она, и в этом слове было столько силы, что Роберт, помедлив, прошёл в спальню за вещами.

Лия стояла, не в силах пошевелиться. Алина повернулась к ней в последний раз.

— Ты мне была как сестра, — сказала она тихо. — Я тебе всё доверяла. Всё.

— Я люблю его, — выдохнула Лия. Алина посмотрела на неё так, что у Лии всё оборвалось внутри.

— Это не любовь, Лия. Это то, чем ты себя оправдываешь. — Она помолчала. — Больше не звони мне. Никогда.

Роберт вышел. Алина взяла его под руку — демонстративно, как забирают своё. Они ушли, и дверь захлопнулась.

Лия осталась стоять в прихожей, босая, в тонком халате, и смотрела на захлопнувшуюся дверь. В ушах ещё звенел её голос: «Больше не звони мне. Никогда».

Она опустилась на пол. И зарыдала.

Слёзы кончились только под утро. Лия так и уснула на полу в прихожей, привалившись спиной к стене, и проснулась от холода — халат сполз с плеча, ноги заоченели. Первые секунды она не понимала, где находится и что произошло. Потом взгляд упал на чужую обувь, которой уже не было, на пустую вешалку, где висела его куртка.

Всё вернулось разом. Разбило, накрыло, придавило.

Она заставила себя встать. Прошла в ванную, пустила горячую воду, села на дно душевой кабины, обхватив колени, и сидела, пока вода

не стала остывать. Телефон на кухне мигал уведомлениями.

Первое сообщение было от Марины. «Лия, что происходит? Мне только что звонила Алина. Это правда?»

Лия смотрела на экран и не знала, что ответить. Пока она думала, пришло второе. Потом третье. Подруги, с которыми она делила и

праздники, и беды, писали одно и то же, только разными словами.

Она не ответила никому.

К полудню стало ясно: Алина не молчала. Она рассказала всем. И не просто рассказала — вывернула так, как было выгодно ей. К вечеру в общем чате, куда Лию пока не удалили, кипел скандал. Она прочитала несколько сообщений и закрыла телефон.

16

«Как ты могла, она тебе как сестра».

«Всегда знала, что ты себе на уме».

«Предательница».

Лия удалила чат. Стерла переписки. Отключила уведомления.

Хуже всего было молчание Роберта.

Она ждала звонка весь день. Потом всю ночь. К утру понедельника набрала его сама — впервые. Гудки шли долго, потом сбросились.

Она позвонила ещё раз. И ещё.

Он не взял трубку.

Через три дня Лия написала ему короткое: «Нам надо поговорить».

Сообщение ушло, но ответа не было. Она смотрела на две серые галочки и не могла поверить. Тот самый человек, который шептал ей в губы «ты моя», который обещал всё решить, теперь не мог найти и минуты.

На пятый день он всё-таки позвонил. Лия схватила телефон так, что чуть не выронила.

— Роберт...

— Не звони мне больше. — Голос у него был чужой, деревянный. —

Всё кончено.

— Что? — У неё перехватило горло. — Что ты говоришь? Алина рассказала тебе...

— Алина рассказала мне правду. — Он говорил медленно, как заученное. — О том, кто ты на самом деле. Тебе нужен был не я. Тебе нужны были мои деньги. Моё положение. Всё это время ты просто меня использовала.

Лия замерла. В ушах зашумело.

— Ты правда в это веришь? — прошептала она.

— Я знаю это. — Пауза. — Алина показала мне твои сообщения. Переписку с какой-то подругой. Ты сама писала, что тебе всё равно, лишь бы удержать меня.

— Какие сообщения?! — Лия почти кричала. — У меня нет такой переписки! Роберт, это ложь! Она всё выдумала!

— Не смей так о ней. — В голосе его впервые прорезалось что-то живое — злость. — Она единственная, кто был со мной честен. А ты... ты врала мне с первой секунды.

— Я любила тебя, — сказала Лия. Голос сорвался. — Люблю. Неужели ты этого не чувствовал?

17

В трубке повисла тишина. Лия прижала телефон к уху так, что заныло.

Ей показалось — сейчас он что-то скажет. Дрогнет. Вспомнит.

— Прощай, Лия, — сказал он.

И бросил трубку.

Она ещё долго стояла с телефоном в руке, слушая короткие гудки.

Потом опустилась на пол. На этот раз слёз не было. Была пустота — глухая, чёрная, как колодец, в который падаешь без дна.

Всё, что она построила за эти месяцы, рухнуло в один день. Подруги отвернулись. Компания, в которой её знали десять лет, вычеркнула её за вечер. Алина победила: она не просто вернула Роберта — она заставила его ненавидеть Лию. И самое страшное — Лия понимала, что её версия правды теперь ничего не стоит. Потому что слово лучшей подруги, невесты, жертвы — весило больше, чем слово любовницы.

Спасала только работа.

Лия уходила в неё с головой. Приходила первой, уходила последней, брала чужие проекты, задерживалась до ночи. Начальник был

доволен. Коллеги шептались за спиной, но ей было всё равно.

Работа не предавала. Работа не задавала вопросов. Работа заполняла собой те часы, в которые иначе она лежала бы без сна и прокручивала в голове его последние слова.

Ночи всё равно были мукой. Она засыпала под утро, а если удавалось уснуть раньше — просыпалась в холодном поту. Ей снился Роберт. Снилось Алине, стоящая на пороге с запасным ключом в руке. Снилось, как он говорит «прощай» и вешает трубку.

Месяц прошёл как в тумане. Лия похудела, под глазами залегли тени.

Она перестала отвечать на звонки, кроме рабочих, выходила из дома только на работу и в магазин. Однажды в супермаркете увидела кого-то из бывших подруг — та сделала вид, что не заметила, и свернула в соседний ряд. Лия не стала догонять.

Она жила. Механически, по инерции, как человек, у которого внутри всё отгорело. И сама не знала, сколько бы это продлилось, если бы однажды вечером, разбирая почту, не наткнулась на рекламу туристического агентства.

«Море. Солнце. Десять дней только для себя».

Лия долго смотрела на гляцевую картинку — бирюзовая вода, белый песок, пальмы. Потом открыла сайт и, не раздумывая, забронировала путёвку на ближайшую дату.

18

Ей нужно было уехать. От этого города, от этих улиц, от пустой квартиры, где до сих пор пахло им. От себя.

ГЛАВА 4

Самолёт вылетал рано утром. Лия собралась за час, кинула в чемодан только самое необходимое — лёгкие платья, купальник, пару книг, которые всё равно вряд ли откроет. Квартиру оставила в идеальном порядке, как будто порядок снаружи мог навести порядок внутри.

В аэропорту было шумно илюдно, и это оказалось спасительно.

Среди чужих людей, торопящихся по своим делам, её одиночество не выглядело таким оглушительным. Она купила кофе, села у окна и смотрела, как по взлётной полосе разгоняются самолёты.

Впервые за долгое время она не проверяла телефон каждые пять минут.

Отель оказался лучше, чем на фотографиях. Белые корпуса, пальмы, дорожка к морю через тёплый, пахнущий хвоей сад. Лия заселилась, вышла на балкон и долго стояла, глядя на воду. Море было такое

синее, что щипало глаза.

Первые дни она просто лежала на пляже. Слушала шум волн, смотрела в небо, позволяла солнцу выжечь из тела ту серую

усталость, что накопилась за месяц. Плавала до изнеможения, ужинала одна, рано ложилась спать. Постепенно, очень медленно, внутри что-то начало оттаивать.

На четвёртый день она впервые улыбнулась — просто так, бармену, который сделал ей коктейль. На пятый — познакомилась с парой за

соседним столиком и провела с ними вечер, и поймала себя на том, что почти не вспоминала.

Это случилось вечером, на набережной. Лия шла вдоль моря, ела мороженое, разглядывала витрины — и вдруг остановилась как вкопанная. Впереди, у лотка с фруктами, стоял мужчина. Высокий, в светлой рубашке с закатанными рукавами. Он повернул голову, и она узнала этот профиль — тот самый, что снился ей ночами.

Роберт.

Сердце рухнуло вниз, потом взлетело к горлу. Лия попятилась, готовая бежать, — и в этот момент он поднял глаза.

Их взгляды встретились.

19

Он замер. Лицо его стало белым, как тогда, в прихожей. Потом по нему пробежало что-то ещё — не страх, нет. Неверие. Будто он увидел призрака.

Лия не знала, сколько они так стояли. Секунду? Минуту? Мир вокруг сузился до одной точки — до его глаз.

Первым двинулся он. Медленно, как во сне, сделал шаг к ней. Потом ещё.

— Лия, — сказал он. Голос был хриплым, чужим. — Ты... что ты здесь делаешь?

— Отдыхаю, — выдохнула она. — А ты?

Он не ответил. Стоял и смотрел на неё так, будто не мог поверить, что она настоящая.

— Я думал, ты мне приснилась, — произнёс он наконец.

Лия сглотнула. В горле стоял ком.

— Зачем ты приехал? — спросила она тихо.

— Я не знал, что ты здесь. Клянусь.

Она поверила. Слишком уж искренним был его шок, слишком потерянным — взгляд.

— Ты один? — Голос у неё дрогнул.

— Один. — Он помолчал. — А ты?

— Тоже.

Они стояли посреди набережной, а мимо текла толпа — смеющиеся пары, семьи с детьми, уличные музыканты. А между ними было только море, ветер и всё то невысказанное, что осталось висеть с того самого звонка.

— Я должен тебе объяснить, — сказал Роберт.

— Ты ничего мне не должен. — Лия покачала головой. — Ты всё сказал тогда. По телефону. Очень ясно.

— Это было неправдой. — Он шагнул ближе. — Почти всё, что я сказал тогда, было неправдой.

Лия подняла на него глаза. Внутри всё дрожало.

— Тогда почему ты это сказал?

Он открыл рот, но не нашёл слов. Просто смотрел на неё — и в этом взгляде было столько боли, что у Лии защемило сердце.

— Пойдём, — сказал он. — Тут слишком шумно. Я не могу говорить с тобой о таком посреди толпы.

20

Лия колебалась. Каждая клеточка кричала: беги, не смей, он снова тебя уничтожит. Но ноги не слушались. И сердце — сердце, глупое, живое сердце — уже тянулось к нему, как цветок к солнцу.

— Хорошо, — сказала она. — Только недолго.

Они пошли по набережной рядом, не касаясь друг друга, и Лия чувствовала его присутствие каждой клеткой кожи — так же, как в самый первый вечер в ресторане, когда между ними всё только начиналось.

Они дошли до конца набережной, где шум толпы стихал и оставался только плеск волн о камни. Сели на пустую скамейку лицом к морю. Между ними было расстояние в ладонь, но Лия чувствовала тепло его плеча так, будто они прижимались друг к другу.

Несколько минут оба молчали. Говорить было страшно — любое слово могло разбить эту хрупкую тишину.

Первым заговорил Роберт.

— Я врал, — сказал он глухо, глядя не на неё, а на тёмную воду. —

Тогда, по телефону. Про деньги, про положение, про то, что ты меня использовала. Я не верил в это. Ни секунды.

— Тогда зачем? — Голос у Лии был тихим, но не злым. — Зачем ты мне это сказал?

Он долго молчал. Лия видела, как ходит кадык, как сжимаются его пальцы на коленях.

— Потому что я трус, — произнёс он наконец. — Алина застала нас.

Устроила мне ад. Грозилась рассказать всем — нашим партнёрам, моей семье, всем. Сказала, что выставит меня так, что я потеряю всё: дело, репутацию, имя. И что я останусь ни с чем. С одной тобой.

Он повернулся к ней. В глазах его стояла мука.

— И я испугался, Лия. Не за себя даже — за всё, что строил годами. Я испугался, что потеряю всё, а ты... ты просто уйдёшь потом. Что я останусь один.

— Я бы не ушла, — прошептала Лия.

— Я знаю. — Он сглотнул. — Теперь знаю. А тогда... она давила, каждый день, каждую ночь. Говорила, что ты никогда не любила меня, что тебе нужен был только мой статус. Показывала какие-то

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.